

ЕВГЕНИЙ КУЛЬКИН: «Я РАСКРЕПОСТИЛ КАЗАЧИЙ ЯЗЫК»

Донская вольница... Степь раскинулась до горизонта, не за что глазу зацепиться. Только ковыль белым маревом шелестит на сухом ветру. Если прислушаться, слышен раскат реки. Огромные толщи воды толкают себя по древнему руслу. В этом шумном реве Дона слышен глас народа, отголоски ушедших эпох, великие слова русских писателей и поэтов, вскормленных непокорной рекой. Манит и манит к себе Дон, прославляя казачество, русское начало, вкусные запахи печеного хлеба, седину ковыля. В этом многоголосье отдельным тембром явно слышится творчество знаменитого волгоградского писателя и поэта, признанного классика русской литературы Евгения Александровича Кулькина. Сегодня, в день своего юбилея, Е.А.Кулькин — гость нашей постоянной рубрики.

*«Пахнуло чем-то непонятным
На вкус, на запах и на цвет,
Пахнуло чем-то необъятным.
И вышел на берег поэт».*
Евгений Кулькин.

— Евгений Александрович, вы родились в Донском краю, а в руки взяли не шашку, а перо?

— Я бы и шашку взял, да опоздал, — посмеиваясь, признается писатель. — Я внук двух атаманов, а сам для шашки родился поздно. Вот и выходит, что судьба моя могла пойти совершенно другим путем, не сугубо штатским. Почему же вышло именно так? В моей молодости был очень большой раздражитель — Михаил Александрович Шолохов. Представьте, вдруг какой-то мальчишка, живший от нас неподалеку, написал такое великое произведение! И очень многие мои сверстники, завоороженные успехом «Тихого Дона», старались что-то писать сами. И я не остался в стороне. Был еще один момент — многие признанные авторитеты писательства того времени — Крюков, Серафимович и другие стеснялись исконного языка. Я рано начал баловаться писательским делом и часто мне приходилось слышать один и тот же вопрос: «Ну хоть кто-нибудь из вас напишет на нашем языке?». И я решил написать, проникнуть в суть казачьего языка. Так и получилось, что я его раскрепостил.

— Евгений Александрович, с десяти лет вам пришлось работать на колхозных полях. Земля вам полюбилась?

— Есть одно поле, на котором я во время войны пахал залежь. Был прицепщиком. Как-то я увидел на нем не менее 60 стогов, оказалось, что дало оно 88 центнеров с гектара земли. Это очень много! Отношение к земле не может быть плохим у человека, которого она взрастила и вскормила.

Многие годы я проработал сельским журналистом. Знаете, я бы далеко не всем землю давал. Земля — это священное, и отношение должно быть к ней особенное. Я преклоняюсь перед всеми, кто чего-то от земли смог добиться.

— Одно время я жил в Руднянском районе. И вот как-то оказался в машине с секретарем райкома партии. Едем в «Волге», общаемся. Он мне задает вопросы, что ты, мол, все про этих казаков да казаков пишешь! Доехали мы до пруда, крадемся по мосту. Дорогу нам перекрыл мужик на возе сена, да не удержался и перевернулся. Я его вытащил, спрашиваю: «Как твоя фамилия?» «Нальвайко!» «А что ж ты нам дорогу перекрыл?» «А че ж, вам везде передом быть?!» Ладно, поехали дальше. Встретился нам у бугорка суровый пастух. Подхожу к нему, здороваюсь. «Здорово, — он мне, — сказал бы, слава Богу, да голова с похмелья болит». В разговор вмешивается его, по всей видимости, супруга, я ее подначиваю: «Что, не пьет твой?» «Да-а, не пьет! Двое держат, один льет... Да я б и сама выпила!» «Да куда ж тебе, вон, беззубая!» «А ее не жавать!» Они так всегда говорят! И как же не писать таким языком! Как о них-то не писать!

Губернатор Николай Максютин — поклонник творчества писателя.

— Вы служили на флоте. По морю скучаете?

— Флот дает то многое, чего бы другие рода войск дать не смогли. Например, сухопутные — живут в казармах вместе, а умирают в окопах одиночке. А на корабле все живут врозь по кубрикам, а умирают вместе. Поэтому на флоте психология абсолютно другая. Когда говорят, один за всех и все за одного — это не пустые слова. Флотская дружба — совершенно особое явление.

— Вспомните ваше 9 Мая 1945 года.

— Был восторг, огромная радость! Но этот день омрачился неприятным личным для меня событием. Во дворе стояла печка-летница. Прохожу мимо и вдруг вижу — на ней лежит мой дневник. Я его вел с десяти лет. Хватаю, а там одни обложки! И

— Как-то, будучи заведующим бюро пропаганды художественной литературы, привез москвичей на завод им. Куйбышева. На творческой встрече, конечно, им внимание и почет. И вдруг какой-то старичок с бадиком: «А что ж вы нам Кулькина не привезли?» «Я — Кулькин», — отвечаю. Он мне кланяется до земли: «Спасибо вам! Я инвалид войны, недавно лежал в госпитале — мне чистили кость. Наркотики не брали, но жена принесла вашу книгу «Смертный грех», и я забыл про боль». Ох, и досталось мне тогда от москвичей!

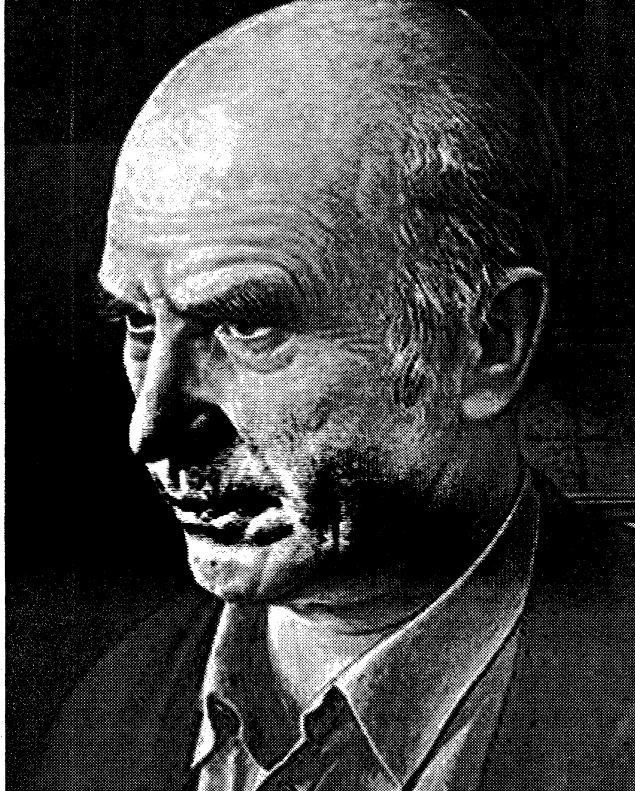
тут соседская тетушка: «А я его на поджиги...» Как меня это огорчило, столько труда, столько воспоминаний! Но на обложке сохранилось пару строчек типа афоризма. Тогда я и решил писать именно афоризмы. Всего около 22 тысяч получилось. Так продолжалось до 29 апреля 2001 года. В этот день в Москве

мне делали операцию на сердце. Было осознание, что ведь могу уже и не вернуться! Тогда я написал свой последний афоризм. Но я, слава Богу, вернулся. И теперь мой год, как на войне, за пять идет. Получается, что мне только сорок!

— Ваши книги при Советской власти не печатали. Они настолько идеологически невыдержанными казались?

— Да, в необходимые рамки я не укладывался. Время разгуляться нам не давало. Вот, например, мой сборник рассказов «Вдовий сенокос», так там ни одного нет разрешенного произведения! Ответ был один: «Ну где ты видел,

Портрет юбиляра
работы В. Ковалев.

Евгений Александрович Кулькин родился 15 мая 1929 года в г. Новоаннинске Сталинградской области. Автор шести поэтических сборников, романа-трилогии «Смертный грех», «Раздоры», «Родная кровь», «Прощенный век», множества рассказов и романов, афоризмов и журналистских статей. Почетный житель Волгоградской области, лауреат множества литературных премий.

БЛИЦ-ОПРОС

- Три любимых писателя.
- М.Шолохов, Ф.Крюков, Г.Приякин.
- Последняя прочитанная книга.
- Для меня, как человека ушибленного русским языком, чтение — дело непростое. Так что даже и не вспомню.
- Любимое блюдо.
- Жареная картошка и окрошка с рыбой и ядреным квасом.
- Как бы вы провели абсолютно свободный от работы день?
- В ходьбе. Я стараюсь каждый день ходить пешком по несколько километров.
- Как отметите юбилей?
- 18 мая в Большом зале Волгоградской филармонии в 16.00 пройдет вечер, посвященный моему дню рождения. Десять лет назад зал музыкальной комедии был битком. Посмотрим, что будет теперь...

образ, начинает работать душа и вся накопленная мерзость бытия как бы счищается. Стихи — это некий громоотвод.

Не понимаю тех писателей, кто не пишет. Ну если тебе Бог дал талант или еще какие способности, то почему же не пользоваться! Ведь время, нам отпущенное, — материально. Самое главное для писателя — успеть сказать то, что, кроме тебя, уже никто не скажет.

— Сегодня комфортно быть писателем?

— Да. Есть вопросы с изданием книг, но вот писать можно все что угодно. А это так важно!

— Вы много раз становились лауреатом всевозможных премий. А какая награда ближе к сердцу или, может быть, слова?

— Недавно звонил мне секретарь Союза писателей и говорит: «Приду иной раз домой — жить неохота. Тогда я начинаю читать тебя и сразу на мир другими глазами смотрю!»

— Не боязно называться классиком русской литературы?

— Это вы про какие классики? Те, что мелом на асфальте? — смеется Евгений Александрович. — Что такое вообще классика? Очень устоявшееся мнение, которое прошло через горнило неприятия. Это М.Лермонтов, С.Есенин, например. В окопах войны не Ма-

яковского скандировали, а Есенина пели, правда ведь? Перед смертью душа потребовала истинности!.. На мой взгляд, классика — понятие все-таки лукавое.

— Понятно, что на погоду сетовать бесполезно, а на судьбу?

— Как и на судьбу. Думаю, жалующийся зря пришел в этот мир. Несмотря на многочисленные трудности, я не жаловался никогда и не жалел ни о чем. Каждая несознательная глупость имеет право на жизнь.

— Как вы предпочитаете переживать неприятности?

— С ручкой и листом бумаги.

— Евгений Александрович, расскажите о вашей семье.

— Моя супруга — Елизавета Ивановна, замечательный поэт, множественный лауреат. У меня два сына — Игорь Кулькин, старший, тоже писатель. Младший Евгений учится на журналиста.

— Как же такая творческая семья уживается под одной крышей?

— Мы работаем в разных временных плоскостях. Я пишу ночью.

Анна ШУБИНА.

P.S. Редакция «Вечернего Волгограда» поздравляет Евгения Александровича с юбилеем! Желаем крепкого здоровья и новых творческих побед.